

Мир тесен, и от этого не уйти. Даже свидетельства не нужно. Но я все-таки расскажу о своей встрече с Яромиром Вейводой. Начну, как и полагается в таких случаях, издалека.

В войну у нас было много хороших песен. А немецкая врезалась в память только одна. И, видно, не мне одному. Есть немало фильмов о военной поре, в которых мотив этот, разухабистый и навязчивый, звучит музыкальной темой гитлеровской солдатни, победоносно шагающей по дорогам Европы.

...Весело идут, закатав рукава серо-зеленых кителей, brave парни, и в такт губным гармоникам из сотен глоток вырываются слова:

Rosamunde, schenk mir
Dein Herz und ein Jahr.

...Мчитя по рельсам к передовой эшелон, и в распахнутых дверях теплушек такие же парни орут все те же слова:

Rosamunde, schenk mir
Dein Herz und ein Jahr.

...В одной из последних наших картин о войне рослый холеный эсэсовец, нюхая цветков, медленно идет вдоль строя изможденных, оборванных людей—советских военнопленных. Его взгляд равнозначен смертному приговору: отобранные им люди—обречены. А он не спешит, и цветков занимает его больше, чем судьбы застывших в томительном ожидании людей. И снова слышится знакомый, почти ненавистный мотив...

Много раз, после того как на фронте впервые услышал трофейную пластинку, ловил я себя на двойственном отношении к песне-фокстроту. И сентиментальные слова-пустышки, и те, кому они предназначались, вызывали вполне определенные чувства: первые—брезгливость, вторые—ненависть. А вот с мелодией было сложнее. Разум отвергал и ее, но она, будоража душу, возвращалась неспрешная, нежеланная, и губы сами шептали:

— Ла, ла, лала, лала, лалала, ла, ла...

В то жестокое время на передовой было не до лирики, и нас, напевавших или насвистывавших «вражеский мотив», не сколько извниал лишь возраст. Никому из «свистунов» не исполнилось еще и двадцати.

Прошли годы. Купил как-то пластинку— очередную серию «Вокруг света». Слушаю. Что за наваждение... Полузабытый мотив фронтовых лет... Ну да, никаких сомнений—«Rosamunde».

Снимаю пластинку, читаю: «Чехословакия. Люблю тебя (Я. Вейвода). Оркестр». И все.

Потом гостил у нас чешский журналист

ПЕСНЯ.

Мирослав Филип. Ехали мы четвером (вместе с собственными корреспондентами «Известий» и Центрального радио в Армении Б. Мкртчяном и И. Джанполадяном) на машине из Еревана в Тбилиси. То ли волшебный закат в горах, то ли включенный приемник были тому причиной—сейчас не припомнить,—но заговорили о песнях, вспомнили почему-то «Rosamunde», и вот уже Филип и Джанполадян запели ее: один—по-чешски, другой—по-немецки. Впервые, наверное, зазвучала эта мелодия над Севанским перевалом.

Тогда-то Филип и объяснил, что мелодия—чешская, автор ее—Яромир Вейвода. А к гитлеровцам она попала в «плен». Завоеватели Европы тянули все, что могло им пригодиться: сырье и художественные полотна, станки и популярные мотивы. Подобно тому как девиз гуманистов «Труд освобождает человека» был распят фашистами на воротах концентрационных лагерей, ничтоже сумняшеся перекроили они чешскую песенку. Пропали легкость, светлая печаль. Разве «истинный германец» мог жалеть о чем-нибудь, тем более о любви? Другое дело, некая девица Rosamunde, которая безотказно подарит ему свое сердце и не просто любовь, а точно отмеренный